

НА ЗАКАТЕ

(Повесть)



- Почему разводитесь?
- Не сошлись характерами.
- Сколько лет вы прожили вместе?
- 35.
- Что же разводитесь после стольких лет?
- Ждала, когда дети будут устроены.
- Ваше решение твердое?
- Да...

Подходил к концу судебный процесс, который затянулся на несколько месяцев. Еще немного, и брак супругов - шестидесятипятилетнего мужа и шестидесятилетней жены будет расторгнут на законных основаниях. Дети, внуки Зарият, которые сидели в зале суда, не могли поколебать ее в принятом ею решении. Магомед опустил голову. Лица родственников, близких друзей были омрачены печалью. Только Зарият казалась безучастной и спокойной. Ее состояние поразило всех.

* * *

Глубокая тоска ноющей болью давила на сердце, охватывала все тело. Зарият обессилела, занемогла от этой боли. Такое состояние не было непривычным и новым для нее. С тех пор, как она помнит себя, эта тоска жила в ее сердце, затмевала все чувства, где бы она ни находилась, с кем бы ни общалась и чем бы ни занималась. Даже в самые радостные и счастливые мгновенья в душе у нее вдруг неожиданно просыпалась тоска. Эта тоска нарастала со временем в ощутимую физическую боль. Вместе с болью зрело страстное желание покончить с нею раз и навсегда, - казалось, что сама боль с нетерпением ждет своего исхода. Она знала, что конец недалек, все ближе и ближе, он вскоре придет, как незванный гость. Это было неминуемо. Этот конец назывался смертью. Той самой, что рано или поздно стучится в двери к каждому человеку.

Для Зарият смерть была мечтой. Вот уже долгое время она жила мыслью о ней, о легкой, спокойной, безболезненной смерти - уйти из жизни и обрести вечный покой, никому не причинив неудобств и неприятностей.

Давно уже истончились те нити, что привязывали ее к бренному миру. Она связала все свои надежды с мгновеньем, когда эти нити оборвутся вконец. Не оставалось ничего, что могло бы согреть ее остывшие мысли и чувства, пробудить в ней любовь к жизни.

После долгого пребывания в плену у безнадежной тоски, она, наконец, призналась самой себе, что в Баку ей не хватает воздуха. Здесь ей не обрести исцеления от своих тревог и страданий. Здесь она задыхалась. Впервые в жизни ей захотелось уехать куда глаза глядят. Впервые казался ей чужим дом, где она жила, где все было привычным.

Прошло всего два месяца, как ей исполнилось 60 лет. В их роду никто не переживал этот возрастной рубеж. Все уходило из жизни в одночасье, никому не успев докучить старческими недугами. Зарият нутром чувствовала, что и ее ждет столь же безболезненная и спокойная смерть. Только вот не хотелось ей отправляться в последний путь из города. Давно уже она облюбовала себе место на кладбище в Кусарах, где зеленые деревья разрослись, как в парке.

Месяц назад Зарият женила своего сына Агиля, младшего из троих детей. Вспомнила день его свадьбы. Невестка в подвенечном наряде, белая, что лебедь, стояла перед окном. Агиль сидел во главе стола и о чем-то говорил. Он встал, когда вошла мать. Зарият обняла и расцеловала невестку. Подозвала Агиля, села между ним и невесткой.

- Я желаю вам счастья, родные мои, нет у матери большего желанья, чем счастье детей. В этот волнующий день мне хочется вам сказать: всегда и во всем ищите взаимопонимания, любите друг друга.

Ее голос дрогнул. Вдруг она как-то сникла. А ведь только что не по годам легко кружилась в "Лезгинке". Веселая и го-

ворливая, со всеми она была приветлива в зале Дома торжеств. Ее радости не было предела.

- Мама, что это с тобой? - спросил обеспокоенно Агиль.

Зарият ласково пригнула их головы к себе на грудь:

- Нет в мире ничего прекрасней, чем любить друг друга.

До конца...

У Зарият будто ком застрял в горле. Она выдала замуж Айбениз, а после и Гюльбениз, но не была так растрогана. Сказала, улыбаясь, чтобы успокоить Агиля:

- Я плачу от счастья, сынок.

Она долго еще не могла совладать с собой... Ей доставляло удовольствие обхаживать нежную и ласковую невестку, готовить вкусные блюда для молодоженов. Но, как ни старалась, не могла утаить своей тоски. Это замечали и ее сын, и невестка. Что могла она им сказать? Что никогда не была столь одинокой, как теперь? Что тогда подумала бы о ней невестка? Разве не спросила бы, отчего ей должно быть одиноко при таком супруге, как Магомед?

* * *

Зарият с Магомедом возвращались домой, проводив из аэропорта в свадебное путешествие Агиля и Наргиз.

- Странная ты какая-то, жена, что-то не так? - спросил Магомед.

- Все в порядке, - ответила она, - не беспокойся.

Когда автобус приехал в Баку, муж взял ее под руку:

- Пойдем, жена, прогуляемся немного.

Они пришли в приморский парк.

- С чего это ты вдруг? - Это было сказано с иронией. Но в голосе также сквозила глубокая обида.

Магомед оставил вопрос без ответа. Он помрачнел. Когда же они были здесь в последний раз? Он не мог вспомнить. Сердце начинало щемить при виде встречной молодежи, и пар идущих под руку.

Они присели на первую попавшуюся свободную скамейку.

Оба молчали. Старались не смотреть друг на друга. Их взгляды остановились на паре преклонных лет, что устроилась напротив. Старик, зажав меж ладоней руку пожилой женщины, что-то тихо ей говорил. Та слушала с нескрываемым интересом. Чуть ли не час они вели свою тихую беседу. Но вот мужчина взял ее под руку, и они двинулись неспешным шагом, все еще переговариваясь о чем-то своем.

Зарият завистливо смотрела им вслед. Ветер растрепал ее волосы, аккуратно стянутые большой шпилькой.

- Как же поседели твои волосы, - сказал удивленно Магомед.

- Ты будто только что заметил, - обиделась Зарият. - Вот уже двадцать лет, как я поседела...

Погрустнела она, чувствуя, как ночной ветерок играет с ее седыми прядями. За долгие годы совместной жизни с Магомедом в ее памяти запечатлелось лишь одно - его невнимательность и равнодушие. Зарият унеслась в прошлое на крыльях своих раздумий.

...Постучала в дверь. Никто не открыл. Достала ключ из сумки и, как только отварила дверь, в лицо ударил сквозняк. Ветер трепал занавески. "Опять Магомед оставил распахнутым окно", - подумала в сердцах. Села в кресло и включила магнитофон. Дурия Рагимова пела лезгинскую песню:

*Аквада заз вун ахварай, аквада,
Рахада зун вахь галаз, рахада...
(Снишься мне ты снова и снова,
Молви же мне наяву ты хоть слово...)*

Слезы у нее лились ручьем. Она плакала, как дитя. В последнее время она не могла слушать музыку без эмоций. Музыка напоминала ей о том, как она одинока в своей жизни... Не заметила, как уснула. Проснулась от ласкового прикосновения к волосам - перед нею стоял Агиль. Только что пришел со школы.

- Что-то случилось, мама? - спросил он обеспокоенно.

- С чего это ты взял? - улыбнулась Зарият.

- Слушаешь свою кассету, - показал Агиль на магнитофон. Она записала свои любимые песни на одну кассету. Когда оставалась дома одна, слушала их часами. Дети догадывались об этом по ее заплаканным глазам. Как-то Агиль спрятал кассету, но, увидев, с какой тревогой искала ее мать, роясь в ящиках, сразу же вернул на место.

Зарият обняла сына и припала к его волосам. Больше всего на свете любила она этот родной для нее запах. Она поцеловала его в шею и сказала так неожиданно и прозаично:

- Пойди, поставь чайник на газ.

- Только сначала скажи мне "чан"* , - улыбнулся Агиль. Улыбка тронула и губы Зарият. Сын с детства привык не слушаться никого, если ему не говорили "чан".

Агиль был чувствительным ребенком, сразу улавливал, когда у матери бывало плохое настроение. В такие минуты он тихо прижимался к ней, не говоря ни слова. Ждал, как бы ей услужить. Не отходил от нее, пока не растает лед у нее на сердце.

- Я же попросил, чтобы ты сказала мне - чан, - все играл в капризного ребенка Адиль.

- Чан*, - сказала она, поцеловав его в лоб.

Зарият расстрогалась от сладких воспоминаний. "Где они теперь, интересно? Как им отдыхается?" - подумала она. Вспомнила про Айбениз и Гюльбениз, прослезилась. Дочери, выйдя замуж, переехали кто куда - одна в Закаталы, другая - в Ках. Мать с ними встречалась в году раз или два.

В Баку ничего уже не оставалось, что привязывало бы Зарият к родному дому. Она решила уехать отсюда раз и навсегда. Ей стало очень одиноко в шумной, бурлящей жизнью столице.

Вот уже неделю она разбирала свой гардероб, думая, что оставить, а что увезти с собой. Сложила одежду в две большие дорожные сумки. Поверх положила альбомы. Из этого дома больше ничего и не хотелось забирать. В районном городке ее ждал одноэтажный опрятный отчий дом под сенью зеленых деревьев. Многие годы, когда у детей начинались летние каникулы, Зарият ездила туда вместе с ними на от-

дых. Магомед, как правило, проводил месяц в санатории или на курорте, после чего наведывался к ним на два-три дня и возвращался в Баку.

В последние годы дети уже редко приезжали сюда. Из-за работы и семейных забот. Вот уже два года, как в этом доме никто не бывал, кроме Зарият. Для нее в мире не было иного места, куда бы ее так тянуло. Она была привязана к отчужденному дому всем своим существом, с ним у нее были связаны самые сладкие и дорогие воспоминания. Здесь, в родных стенах, ей был дорог каждый уголок, все привычное с детства убранство.

Дом этот всегда притягивал ее, как магнит. Ей верилось, что только там она обретет желанный покой. Только в стенах отчего дома почувствует облегчение. Этот дом, где она выросла, который полон бесконечными воспоминаниями солнечного детства и юности, станет обителью ее последних дней.

Дом словно тоже ею болел и не мог без нее обходиться. Магомед, который вырос в Баку, не желал понять любви Зарият к сельской тиши. Его удивляло, с какой нежной заботой она могла ухаживать за каждым деревцем, кустиком и даже цветочком.

В такие минуты Зарият говорила ему:

- Это не твоя вина. Как может почувствовать и полюбить запах земли и прелести сельской жизни человек, который вырос на голом асфальте...

Сделав последние приготовления и положив дорожные сумки перед дверью, Зарият вдруг оглянулась. Она обошла все комнаты, обвела последним взглядом их убранство. Вздохнула и ... переступила порог, чтобы больше сюда не возвращаться.

* * *

Магомед, придя домой после работы, не застал Зарият. Заваренный чай и обед, как всегда, стояли на слабом огне на газовой плитке. Он с удовольствием отужинал и выпил стакан

чая. Стал просматривать газеты. Вскоре его одолела дремота.

Проснулся он в темной комнате один-одинешенек. Время шло к полуночи. "А где же Зарият?" - спохватился он. Никогда еще она не оставляла его в одиночестве в столь поздний час. Поэтому ее отсутствие показалось ему ужасающим. Как никогда, ему не доставало жены. Сердце вдруг сжалось, он обмяк, чувствуя что-то неладное. Беспокойно обошел все комнаты. Места себе найти не мог. "Вдруг с нею что-то случилось", - подумал он и от этой мысли кровь словно застыла в жилах. Теперь он походил на беспомощное дитя, потерявшее мать.

Не в состоянии больше пребывать в стенах квартиры, он спустился во двор. На улице стихло движение автомобилей, вокруг царил тишина. Тяжелыми шагами поднялся он по лестнице и вошел в дом. Казалось, всю жизнь дома встречала и провожала его Зарият. Обхаживала как дитя, потакала капризам. Такое было впервые, чтобы жена куда-то отлучилась без его ведома. Но куда? В Баку у нее родственников было мало. Да и с теми она встречалась от случая к случаю. Единственная сестра скончалась два года назад. У подруг не задерживалась до поздней ночи. Значит, что-то стряслось.

"Вдруг ее сбило машиной?" Он вздрогнул от этой мысли, не зная, что предпринять. Рука на что-то наткнулась. Это был конверт. Он быстро его вскрыл и достал записку. Дрожа от волнения, начал читать.

"Магомед, когда ты развернешь эту записку, я буду уже далеко от Баку. Поэтому возьми себя в руки, чтобы спокойно дочитать ее до конца. Сегодня я пишу тебе о том, о чем не могла сказать за все 35 лет нашей с тобой совместной жизни. Пишу потому, что никогда не сумела бы об этом сказать. Если бы и сказала, ты бы все равно не понял. Учинил бы мне допрос и свел все мои слова к бессмыслице. Ты каждый раз разбивал мне сердце, а я пыталась склеить осколки. Хочу, чтобы ты хотя бы теперь узнал про то, что всегда бы-

ло у меня на сердце. Детей, слава Богу, мы устроили. Все они зажили своими счастливыми семьями. По крайней мере, лично я спокойна за них. Больше они не нуждаются в нашей опеки. Я всегда жила только во имя их благополучия. Их счастье было основным смыслом моей безрадостной жизни.

Ты никогда не слышал от меня жалоб, не видел, чтобы я выходила из себя, повышала голос. Годами я ничего у тебя не просила. Разве все это ни о чем тебе не говорит? Хотя бы раз ты подумал о том, что Зарият, возможно, в чем-то нуждается? Хотя бы раз приходило тебе в голову, что у меня тоже могут быть свои трудности? Ты никогда не был мне другом. Ты воспринимал меня как некое безвольное существо, которым ты один можешь помыкать. Ты воспринимал меня только как жену-домработницу. Я не была для тебя ни советчицей, ни единомышленницей. Годами я ждала часа, чтобы излить перед тобой все, что копилось в моей душе, чтобы ты выслушал и понял меня. Я полагала, что с годами ты станешь внимательней, изменится твое ко мне отношение. Но я ошибалась, сухая яма водой не наполнится, сколько в нее ни лей. Ты по природе своей, видимо, такой сухой, холодный, самодовольный и безразличный ко всему человек.

Помнишь день, когда я вошла невесткой в ваш дом? (Наверное, ты давно уже позабыл про тот день, а я хорошо его помню). В жизни человека нет, наверное, более желанного и прекрасного дня. Я ждала его как причастия к миру высоких таинств. А от тебя вместо нежности, внимания и ласки я услышала: "Ну, жена, как ты там?" Я ушам своим не поверила. А потом, каждый раз, когда ты ко мне так обращался, мне казалось, что ты имя мое позабыл. Сколь я была искренней, терпеливой, внимательной, столь ты был резок, ворчлив и груб. Тебе никогда и в голову не приходило поздравить меня с праздником. Как сейчас помню первый для меня день 8 марта в вашем доме (едва ли ты вспомнишь про него). Я спозаранок побежала на базар, приготовила твои любимые блюда, навела дома чистоту и порядок. Ждала, что ты при-

дешь с большим букетом цветов, расцелуешь и поздравишь меня. А потом радостно преподнесешь мне подарок. Ты пришел домой только наутро следующего дня. Как ни в чем не бывало спросил про мое самочувствие. Не заметил, что глаза у меня покраснели от слез, а лицо распухло после бессонной ночи. Возможно, ты сделал вид, что не заметил. Я сердито спросила, почему ты не ночевал дома. Ты ответил с полнейшим безразличием: "Дела были". Я стала расспрашивать, что это были за дела. Ты же в ответ поднял на меня руку.

Очнулась я только в больнице. В тот день моя Айбениз появилась на свет на два месяца раньше срока. С тех пор между мной и тобою легла глубокая пропасть. С того дня ты живешь своей жизнью, а я - своей. Я так была занята тремя детьми, которых родила одного за другим, что полностью про себя позабыла. Дети все были слабые, больные. Поэтому я не знала ни сна, ни покоя. А ты был далек от всего этого, очень далек. Тебе было весело в кругу твоих друзей, подруг и знакомых. Жизнь у тебя была беззаботной. Домой ты приходил только лишь для того, чтобы переночевать.

Ты полагал, что единственной обязанностью для мужчины является материальное обеспечение семьи. Мне же пришлось одной возиться с детьми в четырех стенах, пока они не выросли. А потом я стала работать. Проводив утром детей в школу, бежала второпях на работу. После работы спешила домой. Детям не говорила ни о чем, но, бывало, они видели, как слезы катились у меня по щекам. В такие минуты они только и могли, что в молчаливом недоумении прижаться ко мне. Знал бы ты, как мне не хотелось, чтобы грусть омрачала их маленькие сердца. Утерев слезы, я присоединялась к их детским играм. Дом наполнялся нашими голосами.

Я знала, почему ты так холоден. Тебя несколько раз видели с женщинами, о чем не преминули меня предупредить. А как-то случилось мне поехать на окраину города. Там

открылся новый большой хозяйственный магазин. Тебя, конечно, никогда не интересовали мои бытовые заботы. Думаю, и теперь не знаешь, чем отличается казан от обычной кастрюли. А в нашем доме он был необходим. Я нигде его не находила. Вот и поспешила в тот магазин. Вдруг... я так и застыла на месте. Перед магазином, шагах в пятидесяти от меня, ты вышел из притормозившего автомобиля, а вместе с тобой и какая-то женщина. Она взяла тебя под руку, и вы, мило переговариваясь, вошли в подъезд жилого дома по соседству. В тот день я похоронила тебя в своем сердце. В тот день я решила для себя, что как только будут устроены все трое детей, расстанусь с тобой, официально разведусь. Воздам тебе за мое растоптанное самолюбие, униженную гордость, утраченные мечты. Ты много мучил меня, глубоко обижал, но я все перетерпела во имя будущего детей. Все эти годы я только и ждала часа, когда, наконец, расстанусь с тобой. Что поделаться, я никак не могу позабыть про все свои унижения.

Не раз я принимала решение, чтобы развестись с тобой. Но каждый раз отказывалась от своей затеи. Не хотела, чтобы дети росли без отца, чтобы сплетни и пересуды ранили их сердца... Много нелестного говорят вслед разведенной женщине, камни летят в огород к ее детям. Думая о них, я все перетерпела. Теперь, когда все они устроены, ничто мне не мешает.

Сегодня, после 35 лет нашей с тобой совместной жизни признаюсь: я ненавижу тебя, видеть тебя не хочу. Я подала в суд заявление на развод. Меня не ищи. Прощай!

Бывшая твоя жена Зарият".

Магомед так и застыл на месте. Его знобило. Каждая фраза Зарият вонзалась колючками в сердце. Веки отяжелели от внезапной головной боли. Никогда еще он не чувствовал себя таким потерянным, одиноким, покинутым. Записка Зарият была откровением для него. Ему и в голову не приходило, что жена может в чем-либо его упрекнуть, обвинить.

Его будто молнией ударило. Парализовало мысли и дви-

жения. "Зарият уходит от меня? Как же я буду жить на старости лет без нее?"

В последние годы Магомед нуждался в Зарият куда больше, нежели прежде. "Значит, она знала про все, но виду не подавала. Она права, я был слеп, никого кроме себя не замечал, ничему не придавал значения. Другой на моем месте гордился бы такой красивой, умной женой, как Зарият. Отчего же я был так безразличен к ней? Может, перестал ее замечать оттого, что она постоянно была рядом? Все ее упреки справедливы. Но разве из-за этого разводятся на старости лет? Нет, нет, такого я не потерплю, мне и дня без нее не прожить".

Он только теперь вдруг осознал, кем для него была Зарият. Был готов ей в ноги упасть, лишь бы простила, вернулась, не оставляла его в одиночестве. И это в его-то годы.

Магомед плакал.

* * *

Сойдя с автобуса, Зарият вдохнула полной грудью чистого горного воздуха. Теплые лучи мартовского солнца, снежная шапка на видневшемся вдаль Шах-даге, приветствовавшие ее и расспрашивающие про житье-бытье знакомые - все для нее было родным. Было удивительно легко на сердце. Она была довольна собой, будто выдержала трудный экзамен.

- Тетя Зарият, садитесь, пожалуйста, - окликнул ее, приоткрыв дверцу автомобиля Касум, сын ее здешнего соседа по дому Гейдара. Он положил ее сумки в багажник, сел за руль.

- Надеюсь, к добру в это время, тетя Зарият, - заговорил Касым, тронувшись с места, - ведь вы обычно приезжаете летом.

- Что же остается делать пенсионерке, сынок, приехала подышать сельским воздухом, передохнуть.

- Вот и хорошо, - отозвался тот, - нечего вам пребывать в дымном и пыльном городе. Я бы не смог и дня там прожить. В городе мне не хватает воздуха, задыхаюсь. Что бы там ни

было, я из Кусаров в жизни никуда не уеду.

Касым был уж очень говорливым. По пути успел пове-
дать обо всех новостях в районе. Он довез соседку прямо
до калитки.

Войдя во двор, Зарият вдохнула запахи ранней весны.
Двор утопал в зеленой траве. На кустах, на ветвях деревьев
завязались почки. Природа пробуждалась к новой жизни.
Зарият особенно любила это время года. Чистые и нежные
ароматы дурманили чувства.

Обычно она приезжала сюда в году по несколько раз. А с
прошлого лета возможностей для этого не было - из-за хлоп-
пот с подготовкой к свадьбе сына. Сняв плащ, она присела на
пень под раскидистым тутовником. Таял холод на сердце от
ласкового тепла мартовского солнца. Даже боли в теле, в
суставах, кажется, несколько подтихли.

Посидев и передохнув немного, она отварила дверной за-
мок и вошла в дом. Все было на своих местах, именно так,
как она оставила при последнем посещении. "Постель пропи-
тана сыростью, нужно вынести на солнце, не то не заснуть
на ней", - подумала она. Переделась и, протерев мокрой
тряпочкой веревку, натянутую во дворе между деревьями,
вынесла на воздух матрасы, одеяла, подушки. Распахнув ок-
на, стала наводить чистоту в комнатах. По привычке, все де-
лала скоро, торопясь, будто ждала гостей. И вдруг опомни-
лась: "Кто ж это тебя гонит, несчастная? Теперь у тебя
столько времени, что и деться будет некуда". Сердце сжа-
лось от этих мыслей, словно только теперь она осознала, по-
чему уехала из Баку и находится здесь.

...Ее так занимали хлопоты по уборке дома, наведению
порядка во дворе и в саду, что она не замечала, как проходят
дни и недели. Перекопала весь сад, одолжила у соседей се-
мян, рассады, понасажала цветов. Дом побелила снаружи
известкой, покрасила частокол дощатой ограды. За этими
заботами ей вспоминались детские годы, беспечные, свет-
лые дни проведенные с родителями. Тогда их двор славился

своими розами на весь район. Отец, Шахмир, очень любил эти цветы. Где бы он ни бывал, привозил с собой отростки редких сортов. Соседи, родственники, близкие, знакомые получали пышные букеты цветов с их двора на дни рождения, на свадьбы. Зарият унаследовала увлечение отца. Она с особым рвением ухаживала за клумбами, которые остались после его смерти. Только тем и занималась, что подрезала кусты, полола землю под ними, поливала.

Время проходило незаметно. Соседи часто навевывались к Зарият и приглашали ее в гости. Она уже привыкла к своей новой жизни. Это была спокойная, размеренная жизнь. Во всяком случае, внешне именно так все выглядело, а о том, что творилось у нее на душе было ведомо одному только Богу. По ночам Зарият никак не могла отогреться в своем одиночестве в холодной спальне даже под несколькими одеялами. Каждое утро она встречала, так и не сомкнув глаз, и уже привыкла к тому, что отдыхала днем. Только книги и телевизор были для нее спасением. Она не могла доверить своей тайны приветливым, разговорчивым соседкам. Вообще в этом отношении она всегда была замкнутой. Оставаясь наедине, она часами могла разговаривать сама с собой, вновь и вновь переживая свои горести.

И вот однажды во дворе она увидела сидящего за столом под тутовником Магомеда.

- Мне переехать сюда, или ты вернешься в город? - Голос у Магомеда дрожал. Он заметно исхудал. А ведь прошел всего месяц с тех пор, как его оставила Зарият.

- Чего же ты молчишь? Я за тобой приехал.

Зарият резко обернулась к нему:

- Напрасно приехал. Никуда я отсюда не уеду.

- А как же я? Я ведь остался один, как перст...

- Отчего же ты один? А как же Агиль и Наргиз?

- А что мне до них?

- Не заботятся о тебе?

- Заботятся, чего уж там... Только ты - это ведь совсем

другое.

- К чему эти слова? Я остаюсь при своем.

- Ты хочешь, чтобы мы опозорились перед людьми на старости лет?

- Для меня в прошлое возврата нет. Попрошу детей лучше присматривать за тобой. А что касается того, что, якобы, мы опозоримся, этого я не боюсь, пусть говорят, что хотят. А теперь можешь уходить, - Зарият указала ему на калитку.

Магомед уставился на нее пораженный:

- В твоем сердце и впрямь не осталось места для меня?

- Нет, - отрезала Зарият.

* * *

Она продолжала жить своей новой, одинокой и спокойной жизнью. Не привыкшая сидеть без дела, находила для себя все новые и новые занятия. Буханки хлеба ей хватало чуть ли не на целую неделю, за покупками выходила от случая к случаю. Во дворе у себя разбила грядки со столовой зеленью. Зарият зареклась, что денег не станет принимать ни от Магомеда, ни от своих детей. Небольшой пенсии хватало на то, чтобы покупать самое необходимое из продовольствия. Что же касается гардероба, то она решила, что сможет обойтись без его обновления. А при случае, если понадобится обновка, можно будет выносить на базар вишню, персики, абрикосы, смородину, яблоки, груши, словом, все из урожая в своем саду.

С раннего утра и до самого заката Зарият трудилась как пчелка. Но думы не покидали ее, и печаль в ее душе все не рассеивалась. Никак не отпускала накопившаяся тоска. Зарият словно была обижена на весь мир за свою горькую судьбу. В жизни, казалось, нет ничего, что могло бы ее утешить. Все сводилось для нее к одинаково безрадостным серым дням. Время от времени по телефону говорила с детьми. Но они, занятые своими делами, едва ли могли догадываться о

тревогах матери. Кто знает, может им и в голову не приходило, что она о чем-либо переживает. Ведь дочери и сын привыкли считать ее сильным, уверенным человеком. Мать всегда решала все их проблемы. Какие же у нее могут быть трудности?

Магомед звонил ей еще дважды, но, поняв по ее независимому тону и твердому голосу, что она никогда не изменит своему решению, больше не стал ей докучать.

Зарият обходилась без календаря, время давно уже остановилось для нее. Рассвет, наступление вечера, перемены погоды, тепло и холод, жажда и голод теперь уже ничего не значили для нее. Стиснув зубы, она выдерживала боль от своих многочисленных недугов. Готовилась к своему концу. Знала, что час ее близок. Она сердцем чувствовала, что смерть вскоре явится к ней, положит конец ее мукам, невыносимым горестям, неизбежным страданиям. Все останется в мире брэнном, а Зарият уйдет в таинственное и прекрасное царство. Смерть была для нее избавлением.

* * *

Еще до восхода, предвосхищая жаркий день, начал свой оглушительно звонкий концерт оркестр сверчков и цикад. С первыми лучами в хор вступила своим щебетанием партия птиц. Выступила и выдохлась куда раньше, чем в прежние дни. А вскоре, когда солнце поднялось над крышами домов и садами, в городе воцарился зной. Было так жарко, что люди попрятались по домам. Зарият стакан за стаканом пила холодную воду, но никак не могла утолить жажду.

К вечеру повеяло легкой прохладой. Детей и взрослых, молодежь и стариков словно вынесло из-под крыш во дворы и на улицы. Зарият всегда это нравилось здесь - все знали друг друга в лицо. Парни и девушки, мужья и жены разбрелись по домам только к полуночи. Прежде она и сама принимала участие в таких гуляньях. Но теперь уже не могла - болели ноги.

Сидя на скамейке перед домом, она с тоской и завистью провожала взглядом прохожих. Но, видимо, это занятие еще более усугубляло ее чувство одиночества. Она встала и прошла во двор.

В старом кресле под тутовником ей было куда удобней, чем на жесткой скамейке. Ночь обвевала ее прохладой и навевала то сладкие, то печальные воспоминания.

Вдруг, услышав шум в соседнем дворе, она насторожилась - ведь вот уже много лет никто не открывал дверей старого полуразвалившегося дома дяди Ибадуллаха. После его смерти ничья нога не ступала по заросшему сорными травами саду. Единственный сын дяди Ибадуллаха, говорили, уехал на заработки в Россию, да так там и остался, обосновавшись навсегда. Про этот большой двор вспоминали лишь к тому времени, когда созревали фрукты. Детвора саранчой облепляла деревья в саду и собирала плоды. "Пусть уж лучше малышам они достанутся, чем засохнут и пропадут, - думала Зарият, - возрадуется душа дяди Ибадуллаха". Она только просила ребятишек, чтобы не ломали веток и были осторожны, не дай Бог еще упадут.

Но плоды еще не созрели. Что же это за шум, кто вошел во двор? Зарият приблизилась к изгороди и глянула в соседний двор. Вдруг... она не поверила своим глазам. Старик с белоснежными волосами и седой бородой упав перед дверью, крепко прижался ладонями к земле. А потом он привстал и, воздав руки к небу, взмолился о чем-то шепотом.

Зарият не могла различить на слух слов его мольбы, но увидела, что слезы текут у него по щекам. Она была поражена этим зрелищем и не знала, что предпринять. Не переводя дыхания, все всматривалась и всматривалась в ночное видение: что же нужно этому незнакомцу в столь поздний час на чужом дворе? Отчего он плачет?

Вдруг она вспомнила про Самура, соседского сына. Он был тих и по-девичьи застенчив. Книги были единственным увлечением Самура, отчего его недолюбливали сверстники.

"Неужто это он?" - что-то дрогнуло в ее сердце. Накатило волною нежной, пронзительной грусти.

...Это было утром того дня, когда Зарият выходила за муж. Она проснулась от нежного аромата. Окно было распахнуто. На подоконнике лежал букет фиалок. Зарият, не поверив глазам своим, встала и осторожно взяла в руки букет цветов. Они источали тонкий дурманящий запах. "Кто же это принес?" - подумала она и тут же вспомнила про Самура. Глянула на окна их дома. Оттуда доносилась песня Дуррии Рагимовой:

*Аквада заз вун ахварай аквада...
(Снишься мне ты снова и снова...)*

Эту песню Асефа Мехмана на его же слова в то время в Кусарах, как и всюду, любили и стар и млад. В ней пелось о том, как некий мужчина донес до седин свою первую любовь, как волшебный сон. Большая и печальная неразделенная любовь к той, которая все еще снится и снится. Кто знает, в какой уже раз заводил эту песню Самур. Но в тот день Зарият переполняли светлые чувства. Ей были неведомы печаль и тоска. Вывешенное в углу комнаты белое подвенечное платье вызывало новые, неизведанные до сих пор чувства. Оно завладело всем ее существом и не оставляло места ни для чего иного. Вскоре она позабыла и про букет фиалок.

Вечером, когда на улице засигналили автомобили, приехавшие за невестой, Зарият невольно глянула в сторону соседского двора. Самур сидел высоко на макушке черешневого дерева и смотрел в ее окно. Отчего-то сердце у нее вдруг затрепетало, как пойманная птичка в руках... Но в дом уже с шумом и гамом вошли сваты, и миг она позабыла про все на свете.

Когда ее, в длинном свадебном платье, усаживали в автомобиль, убранный красными лентами, она увидела у края тротуара Самура. Он провожал ее печальным взглядом. В ее сердце вновь шевельнулась грусть. Их взгляды встретились. В тот же миг засигналил и тронулся автомобиль.

Пройдут месяцы, годы, но Зарият снова и снова будет вспоминать, как печален был взгляд Самура. Она вспоминала об этом каждый раз, когда накатывала тоска и жизнь казалась ей безнадежной. В глубине души она считала подлинной причиной всех своих неудач и несчастий эти полные печали глаза Самура. Эти глаза будто прокляли ее...

Зарият приоткрыла калитку и вошла в соседний двор, густо и высоко заросший крапивой. Старик оглянулся на шум и смотрел на нее влажными от слез глазами. Они внимательно приглядывались друг к другу.

- Вун яни, Самур?* - спросила Зарият, опасаясь, что может ошибиться.

Старик, пораженный, только и произнес:

- Зари?..

У нее дрогнуло сердце. Только один человек на свете ласково называл ее так. Юный, красивый и стройный, стеснительный Самур много-много лет назад звал ее этим именем. Никто, кроме него, никогда не называл ее так. "Зари", - старик повторил это имя таким родным голосом, с таким волнением, что Зарият вдруг вздрогнула.

Они обнялись. Расставшиеся в юные годы старик и старуха плакали, как дети. В их слезах было больше горечи, чем радости.

- Изменился ты, Самур.

- Ты тоже, Зари.

- Седая голова, седая борода. А был ведь таким красивым.

- А ты? Скольких ты пленила своей красотой?

- Как тебе живется, Самур?

- Как видишь, по среднему, по-стариковски. Был силен и пригож, стал слаб и негож. Так русские говорят.

- Где же ты был все эти годы?

- В России. У меня дом в Иркутске.

- А про здешний и не вспоминал даже?

Самур не ответил. Зарият поняв, что задела его больное место, постаралась сгладить свой промах:

- Прости, не нужно было мне так говорить.

Он отвел от нее свой взгляд, перевел разговор на другое:

- Случайно не у вас остался ключ от нашего дома?

- У нас, - ответила она, - папа показывал мне, где его положил.

Зарият пошла за ключом и вскоре вернулась. Ключ заржавел. Как они ни старались, но дверь не отпиралась. Самур толкнул ее плечом. Пошатнулась перекладина над косяком, осыпалась штукатурка.

Они прошли по узкому темному коридору в гостиную. Самур включил свет. Все убранство было покрыто толстым слоем пыли: стол со стульями, книги на полках, диван с коричневой кожаной обивкой, телевизор марки "Рекорд" на тумбочке в углу и позабытый на подоконнике патефон. На стене висела наклеенная на картон фотография Самура с дядей Ибадуллахом и тетей Салимой. Все трое улыбались: в глазах - искорки радости.

Самур откуда-то достал потертый конверт с грампластинкой и завел ее на патефоне. Это была песня Дуриш:

*Аквада заз вун ахварай, аквада,
Рахада зун вахъ галаз, рахада...
(Снишься мне ты снова и снова,
Молви же мне наяву ты хоть слово...)*

Зарият припомнились школьные годы. Самур вечерами частенько заводил патефон, оставляя окно распахнутым, чтобы ее слышала Зарият.

Песня смолкла - игла царапала пластинку на холостых оборотах. Самур отключил патефон. Он перевел взгляд на фотографию на стене, снял ее осторожно с гвоздя. Вытерев пыль рукавом, всмотрелся в счастливые лица, прижал картон к своей груди.

Их растрогали воспоминания давних лет. Друг детства, приехавший издали, казалось, полностью лишил Зарият власти над собой. Во всем облике, в движениях и словах Самура

сквозила какая-та невыразимая печаль. Он был потерян и одинок.

- Что это с тобой? - спросила Зарият испуганно.

- Я болен.

- Болен? Что это за болезнь?

- Не знаю, как называют эту болезнь. Душа у меня болит. Оторванность от родных мест, тоска. Долгие годы я болею. Вроде работаю, ем, хожу. Но внутри все горит. Дух мой потерян. Знала бы ты, как я мечтал о Кусарах, об этом доме родном... В последнее время каждую ночь мне снились родные места. Сколько раз собирался приехать сюда в отпуск. Но кто у меня есть? К кому бы я приехал? Только теперь, на старости лет я понял, что ошибался. Родина - это не только твои родные, но и земля, где ты родился и вырос, воздух, которым дышал, вода, которая с детства тебя споила. Родина - вот этот ветхий дом, оставшийся без хозяев. Поздно я все это осознал. Но жена моя видела, как мне тяжело. Она силком спроводила меня в путь: "Поезжай, побывай у себя на Родине, может, легче тебе станет". Вот я и приехал. В последний раз. Перед тем, как умереть, - Самур с трудом сглотнул застрявший в горле комок.

- А дети есть у тебя? - тихо спросила Зарият.

- Двое сыновей, две дочери.

- А как их звать?

- Саша, Андрей, Света, Мария.

- По паспорту - лезгины?

- Да.

- А по духу?

- Мать - русская, окружение - русские...

Самур вздохнул. Зарият больше не задавала вопросов. Вдруг вспомнила, что даже чаю не предложила гостю с дальней дороги.

- Пошли ко мне, Самур, ты с дороги, чаю выпьешь, подкрепишься, передохнешь, - сказала она. Тот молча последовал за Зарият.

На веранде, где они расположились, было светло и уютно от расставленных по углам глиняных горшков с разросшимися комнатными растениями. Самур едва притронулся к еде, а за чаем вернулся к прерванному разговору.

- Знаешь, из-за чего я решил поехать в Иркутск?

- Признаться, нет.

Он помедлил немного и глянул ей в глаза:

- Из-за тебя.

- Что? - изумилась она.

- Когда ты вышла замуж, - признался он, - мне было невыносимо оставаться в Кусарах, да и во всем Азербайджане.

- Я тебе нравилась? - она знала, что лукавит не по годам. Но ведь и старику не пристало признаваться в любви.

- А ты разве не знала? - ответил он ей вопросом на вопрос.

- Но ведь ты никогда не говорил мне об этом.

- Разве я мог осмелиться? - потупился он. Она промолчала.

- После того, как ты уехала, я понял, что и мне здесь не жить, - грустно исповедовался Самур, - отец понимал мое состояние, но виду не подавал. Помню, когда мать скончалась, он всю свою любовь мне одному и отдавал. А вскоре и он тяжело заболел, год был прикован к постели. Так и скончался. Я подумал, что больше меня уже ничто не связывает с этими местами. Поэтому, когда встал вопрос о высшем образовании, я решил, что лучше всего уехать из этих мест. Сложилось так, что попал в Иркутск. Там и осел. Пока был молод, особой тоски не знал. Да и не до этого было при занятости работой, семейными заботами, детьми. Но... - он перевел дыхание, - часто я вспоминал о тебе. В счастливые, хорошие дни, признаться, и не так уж часто. Зато в самые свои трудные минуты я мысленно обращался к тебе, просил твоего совета. С годами, когда дети уже были устроены, начал понимать, что допустил в своей жизни непоправимую ошибку. Человек все же должен жить на родной земле, в окруже-

нии близких, в привычной с детства среде. Без этого невозможно быть счастливым. Если даже на чужбине и будешь жить в достатке, купаться в роскоши, душевного покоя все равно не обрешь.

- Хорошо, что родной язык не забыл. Там, наверное, живут и лезгины.

- За 30 лет мне было не с кем и словом перемолвиться. Встречался раза два-три с земляками, беседовал с ними. Мне трудно выразить, что я испытал тогда, слушая привычную речь, с детства для себя родную.

Зарият молчала, потрясенная тем, как глубоко переживал долгую разлуку с родными местами друг ее детства, который, казалось, чудом дожил до седин. У нее было такое чувство, будто она сама пережила все его муки. Ей и самой хотелось поделиться своими горестями с этим некогда красивым и стройным юношей, который теперь и ростом стал меньше, и лицом стал жалок, обмяк. А старик все говорил и говорил, впервые за долгие годы встретившись с понимающим его человеком. Изливая душу перед Зарият, он чувствовал, как ему становится все легче и легче.

Вдруг Самур осознал, что говорит без умолку, а про то, как живет Зарият, не спросил ни слова. Укорив себя в сердцах, он виновато улыбнулся:

- Зари, что же это я? Только о себе и говорю. А как тут все у тебя?

- У меня? - сказала растерянно Зарият, - что же у меня?

- Скажи мне, ты хоть счастлива?

Она горько усмехнулась:

- Ты спрашиваешь о счастье у человека, который одною ногою уже там. У женщины на закате дней.

- Прости, если обидел тебя, - виновато сказал Самур.

- Нет, почему же. Две дочери у меня и сын. У всех свои семьи. С детьми мне повезло.

- А с мужем все плохо?

- Как это?

- Я так тебя понял.

Зарият покраснела:

- Но я ничего еще не успела сказать.

- Печаль в твоих глазах говорит обо всем.

Зарият прервала его:

- Не будем об этом, хорошо?

- Ладно, - согласился Самур и взглянул на часы - было четыре утра.

Зарият забеспокоилась:

- Да, заговорились мы. Тебе ведь нужно с дороги отдохнуть.

- И ты, наверное, уже устала.

- У вас дома не провернуться от пыли. Может, здесь и переночуешь? Завтра помогу тебе навести чистоту, - предложила Зарият.

- Нет, нет, здесь я не выдержу до утра. Вот уже сколько лет я ждал, когда окажусь в родном доме.

Самур сказал об этом с такой болью, что Зарият не стала возражать.

Ее разбудил шум. Выглянув в окно, она увидела на соседнем дворе Самура. Засучив рукава белой сорочки, он косил сорняки, поднявшиеся чуть ли не в человеческий рост. При каждом взмахе косы валялись на землю пластами высокие стебли трав вперемешку с кустами крапивы и чертополоха. Зарият с любопытством наблюдала за движениями Самура. Она была поражена тем, как он похож на покойного дядю Ибадуллах.

Зарият переживала неведомое ей до сих пор странное чувство радости. В теле была легкость, она заметно приободрилась. Вскипятила чайник, заварила чай, накрыла стол для завтрака под тутовником: сыр с маслом, хлеб. Подошла к ограде:

- Доброе утро, сосед!

Самур ответил на приветствие и спросил:

- Как ты, Зари?

- А как по-твоему, если гость до сих пор не завтракал?

- Не беспокойся, пожалуйста, мне и так неловко, что не дал тебе выспаться. Я в столовую схожу.

Зарият рассердилась:

- Оставь, пожалуйста, эти европейские "штучки". Заходи да умойся, я уже накрыла на стол.

Ее тон был непререкаем. Самур не мог не повиноваться. Он отложил в сторону свою косу и подошел к ограде. Отогнул коленом доски. Подгнившие, они тут же свалились. Он умылся над рукомойником и прошел за стол. Пахло свежим хлебом испеченным в "хьаре"* .

- Чан жуван хьран фу**. В мире нет вкусней нашего хлеба.

Зарият положила сахару в его стакан с чаем и, помешав ложкой, поставила перед ним. Пододвинула поближе к нему сыр и масло. Все это она делала машинально, по привычке, что выработалась у нее за годы жизни с Магомедом. Самур был тронут ее вниманием до слез. Он поцеловал ей руку:

- Большое спасибо, - сказал он так признательно, что это не могло ее не расстрогать. Да и руки ей никто и никогда в жизни не целовал.

Они смотрели друг на друга долгим и странным взглядом. Не могли и слово молвить. Что-то их стесняло, беспокоило. И он, и она в глубине души считали, что в чем-то виноваты друг перед другом. Но в чем? Они не могли ответить. Завтрак продолжался в молчании.

Зарият вдруг вспомнила про то, что хозяйке приличествует занимать гостя. Значит, ей и следовало нарушить молчание.

- На сколько же дней ты приехал, Самур? - спросила она.

- Дней на двадцать, - ответил он, думая о чем-то своем.

- Ты работаешь?

- Нет уже, вышел на пенсию. А ты?

- Я тоже...

* * *

Весть о возвращении Самура, сына Ибадуллаха, с быстротой молнии разнеслась по всем Кусарам. К вечеру их двор был переполнен людьми. Проведать его пришли соседи, приятели детских лет, бывшие одноклассники, знакомые. Каждый старался сделать, что мог, чтобы земляк сполна ощутил радость возвращения домой. Соседи, не сговариваясь, расстелили ковры на траве под высоким орешником во дворе, развернули скатерти. Одни заваривали большой самовар, пекли лаваша на садже, другие чистили зелень и нарубали лук, раскладывая на скатертях тарелки с маслом и сыром, творогом, кувшины с айраном и пиалы с катыком, овощи, фрукты. Вскоре мужчины приволокли во двор за рога увесистого барана. Амирбек, мастер своего дела, в мгновение ока заколол барана у ног Самура по старинному обычаю восточного гостеприимства. Вскоре во дворе вкусно запахло шашлыком. Женщины и мужчины, молодежь и люди в летах расположились на коврах за разложенными кушаньями.

Самура усадили во главе импровизированного "стола". Было шумно, всюду слышались шутки и смех. Вспоминали про забавные эпизоды, весело подтрунивали друг над другом. Самур не успевал отвечать на бесчисленные расспросы. Он никак не мог прийти в себя от внимания своих земляков, от устроенного ими приема. Время от времени у него на глазах проступали слезы признательности и благодарности этим людям. Они и сами были растроганы до слез.

Самур расспрашивал о знакомых, которых не видел среди собравшихся. Казалось, его интересуется жизнь и судьба всех кусарцев. В этом городе ему и впрямь были дороги каждый человек, каждый переулочек и дом, каждый уголок. После долгих лет разлуки ему казалось, что видит во сне эти с детства знакомые лица, слышит звуки родного языка. Не верилось, что все это возможно наяву.

Неожиданно для самого себя он вдруг громко запел с детства запавшую в сердце лезгинскую песню:

*На хаму шив ваца твамир,
Вацавай яд кьайиди я.
На ви дердер заз ахьаймир,
Зун валайни кайиди я.*

*(Не входи ты в реку на резвом коне,
В ней вода холодна.
О страданиях своих не рассказывай мне,
И своих мне хватает сполна.)*

Старая, грустная песня. Прекрасная мелодия, прекрасные слова. Всех собравшихся поразило, как этот человек, после 30 лет, проведенных на чужбине, запел народную песню на чистом лезгинском языке. А он уже завел другую народную песню, любимую всеми " Пейкяр баха" ("Сестра Пейкяр"):

*Я бахтавар лезги суна,
Гъваш сумагур, чайда чна.
Дердер-гьамар пара ятла,
Веъ арадал, пайда чна.*

*(Вкусным чаем самоварным
Угости меня ты с пару.
Если горестей немало,
Мы поделим их на пару.)*

Все подхватили в один голос припев:

*Уф, чан аман,
Дердин дарман аман,
Бес мус кьведа
Вун чаз мугьман?*

*(Твой взгляд, как бальзам,
Исцеляет боли, джан,*

*Когда ж придешь
Ты в гости к нам?)*

Вскоре Касум, сын Гейдара, привез музыкантов. Веселье скрасили переливы кларнета, переборы гармонии и ритм нагары. Раздвинулся круг, пары пустились в пляс - гремела зажигательная "Лезгинка". "Ас-са, ас-са!" - хлопали все в такт.

- А теперь очередь за Самуром, - крикнул кто-то, - покажи-ка, на что ты горазд!

Тот будто этого и ждал, живо не по годам вышел в круг. Земляки залюбовались тем, как он поплыл в танце. Вот он заплясал на месте перед Зарият, приложив правую руку к сердцу и нагибаясь к ней. Она без колебаний приняла приглашение и присоединилась к нему. Нарастал ритм, убыстрялись их движения.

Звуки музыки со двора дяди Ибадуллаха многих привлекали сюда. Люди все шли и шли. "Чья свадьба?" - спрашивали они, останавливаясь. Молодые с радостью шли танцевать, будто только и ждали этого вечера. С наступлением темноты они настояли, чтобы музыканты играли на улице, - будет больше простора. "Этой ночью возрадуются души Ибадуллаха и Салимы, что возвратился в родной дом их единственный сын", - думали соседи и, вздыхая, утирали невольные слезы.

Люди начали расходиться далеко за полночь. Проводив последних гостей, Самур подошел к Зарият, которая с утра была на ногах. Странное было выражение у него на лице - отражение перемешанных чувств изумления, удовлетворения и счастья.

- Ты не устала, Зари? - спросил он участливо и ласково.

- Вовсе нет.

- Может, чаю попьем? Сна ни в одном глазу.

- Сейчас заварю, - она прошла в свой двор. Просьба Самура пришлась ей по сердцу. Она бы и так не заснула.

Они сидели под тутовником и тихо переговаривались о том о сем, о незначительных вещах. Но эти пустяки занимали

обоих. Над городком нависла волшебная тишина, какая бывает только в Кусарах. Не доносилось ни звука, кроме привычной стрекотни сверчков.

* * *

За эти несколько дней Зарият словно помолодела, вновь ощутив вкус к жизни. Сердце пробуждалось навстречу чувствам радости и счастья, что возвращались к ней, как перелетные птицы в родные места по весне. Она оживала, будто земля вдоль иссохшего ручья, когда его переполняют весенние дожди. В теле появилась такая легкость, будто у нее отросли крылья, отпустили все боли. Любая мелочь обрела для нее особый смысл и значение, все радовало сердце. Самур приездом своим привнес в ее безрадостную жизнь тепло, которого так ей не хватало. У нее будто открылось второе дыхание. Легко порхая из угла в угол, она с удовольствием хлопотала по дому, делала все, чтобы порадовать гостя. Что ни день, подавала на стол вкусные блюда и кушанья национальной кухни, по которым тот, несомненно, изголодался на чужбине.

Каждый день Самура приглашали в гости. Он нигде не задерживался больше, чем на два-три часа. Ему все хотелось проводить больше времени со своей соседкой.

Они уже доверяли друг-другу свои самые сокровенные мысли. По рассказам Самура о своей жизни на чужбине, где иные обычаи и традиции, Зарият поняла, что это были холодные дни, месяцы и годы без любви. Оказалось, что ему не повезло не только с женой, но и с детьми.

Она, которая ни с кем не делилась своими горестями, тоже открылась перед ним. Ее голос дрожал, когда она вспоминала о подробностях своего несчастливого брака с Магомедом. Зарият верила, что Самур ее поймет и никогда не предаст. Разве мог этот человек, так много переживший за свою жизнь, быть безучастным к страданиям других? Тем более к страданиям Зари, как он ее называл!

Они искали и находили поводы для того, чтобы быть рядом друг с другом. Для него подворачивались дела во дворе у Зарият, а для нее - по его дому. Самур по утрам ходил за покупками на базар, хотя Зарият и возражала. Больше всего им нравилось время после десяти часов, когда стихали на улице шаги и голоса. Бывало, засиживались за чаем под тутовником во дворе далеко за полночь.

* * *

Дни были безоблачные. В Кусарах, где весной обычно часты дожди, будто уже воцарилось лето. А Самуру вскоре предстояло вернуться в далекий и холодный Иркутск.

Соседи и Зарият готовились достойно проводить земляка, который на этот раз, возможно, покидал Родину уже навсегда. Все уже было предусмотрено на день отъезда.

Утром Зарият проснулась с тяжестью на сердце. Глаза распухли от слез. По привычке подошла к окну и... замерла: на подоконнике лежал букет полевых цветов. Белые, желтые, красные, синие цветы наполняли комнату пьянящим ароматом. Легкая улыбка тронула ее губы, в сердце шевельнулась нечаянная радость. "Это Самур", - прошептала она. Глянула на часы - половина седьмого. "Когда же он успел сходить за цветами?" Она прижала их к своей груди, потом к щеке. Бережно опустив цветы в вазу с водой, залюбовалась ими.

Днем оба они были не в настроении. Самур ни разу не приходил к ней во двор, а она не выходила из кухни. С вечера договорились, что каждый будет заниматься своими делами, а с наступлением сумерек поужинают у Самура вдвоем.

Зарият казалось, что это самый длинный и грустный день в ее жизни. Она думала о том, что на следующее утро снова останется одна в своем доме, будет влачить безрадостную и бессмысленную жизнь. Еле сдерживалась, чтобы не зарыдать. Если бы не эти двадцать дней, не встреча с Самуром, она хоть как-то спокойно дождала бы свои последние годы.

Теперь же ей постоянно будет не хватать его участия и внимания. Ей не забыть, как он безо всяких слов понимал каждое движение ее души. Такое в ее жизни происходило впервые. А на завтра все это станет воспоминаниями.

Вечером из соседнего дома донеслась мелодия песни, с которой сроднилась она всем своим существом. Дурия растравляла ее чувства:

*Аквада заз вун ахварай, аквада...
(Снишься мне ты снова и снова...)*

Вот и Самур вышел во двор. Он был задумчив. Увидел Зарият по ту сторону ограды и сказал:

- Ты не собираешься к нам?
- Нужно еду прихватить, - она передала ему казан.

Зарият молча накрыла на стол, а Самур завел все ту же пластинку. Он вдруг упал на колени перед этой седой женщиной, любовь к которой пронес сквозь долгие годы:

- Девушка, подарите мне этот танец.
- С удовольствием, молодой человек, - улыбнулась она сквозь слезы.

За все эти дни они впервые оказались так близко друг к другу. Ее рука лежала на его ладони. Музыка пьянила их чувства. Они не были ни старыми, ни молодыми, а робкими и растерянными, как мальчик и девочка, впервые в жизни танцующие по-взрослому. Музыку заглушало для них биенье их собственных сердец.

Смолкла мелодия. Они сели за стол. Между ними невидимой стеной повисло молчание, отяжеленное их предчувствиями о переживаниях завтрашнего дня.

- Значит, уезжаешь? - ее голос был глух.
- Что же поделать, уезжаю, - ответил он в тон, - благодарен Богу, что мне суждено было побывать на Родине. Думаю, что в последний раз. Моя жизнь уже на исходе.

- Самур о чем-то задумался на мгновение и после добавил:
 - Если бы не ты, мне бы здесь столько горя испить...

- Не надо так говорить, - возразила Зарият, - ты же видел, чуть ли не весь Кусары праздновал твой приезд.

- Ты и сама знаешь, Зари, как я благодарен своим землякам. Но представь, каково бы мне было здесь, в этом ветхом доме без тебя. Нет мне человека родней тебя ни в Кусарах, ни на целом свете. После этих 20 дней мне и умереть не жалко.

Самур взял ее руку в свои ладони:

- Прости, я расстроился. Слезы с трудом сдерживаю. За эти дни я так привязался к тебе, что боюсь не выдержу.

Зарият еще ни от кого в жизни не слышала столь искренней признательности. Она будто во рту ощутила горечь своей запоздалой любви. У нее дрогнули губы:

- Что же это творится со мной? Лучше бы мы с тобой не встретились. Не знаю, как теперь мне жить, когда ты уедешь...

На глазах выступили слезы. Самур подсел к ней и пригнул ее голову к своему плечу. Он заговорил с досадою в голосе:

- Почему же Бог не дает людям двух жизней? В одной они допускали бы ошибки, проходили через испытания, трудности, а в другой исправляли бы все свои промахи, были бы счастливыми. Если бы мне представилась такая возможность, все бы сделал, чтобы ты была счастливой. И сам был бы счастлив.

- Бог, наверное, создал нас друг для друга, - тихо отозвалась она, - но мы не поняли этого. Мы далеко искали свое счастье, а оно, оказывается, было рядом. - Зарият вздохнула.

- Верно говорят, что никто тебе такого зла не причинит, как ты сам.

- Если бы ты вышла замуж за меня, я был бы самым счастливым человеком на свете. И что я нашел там, далеко от родных мест? При жизни был одинок и потерян, а умру - то же самое произойдет с могилой моей. Кто придет, чтобы... - Самур не смог договорить.

Медленно занималась заря. Их ужин остался нетронутым. Два пожилых человека, ставшие самыми близкими и родными людьми друг для друга, с грустью, со странной тревогой

встречали наступающее утро.

- Одним я только доволен, Зари, уйду из жизни без печали и боли на сердце. Ты дала мне понять, что это такое - быть счастливым - это быть рядом с тобой, слышать твой голос. Оказывается, так мало нужно для счастья.

- До твоего приезда я думала только о себе, Самур. Мечтала о тихой и легкой смерти. Жизнь больше ничего не значила для меня. Жить мне не хотелось. Я устала от жизни. Но ты во мне снова разжег любовь к жизни. Эти двадцать дней открыли новый мир для меня.

Они сидели, прижавшись друг к другу. В эти мгновенья они были вне времени и пространства. Запоздалая любовь разожгла последние искры в их сердцах. В этой любви был отдающий печалью аромат весенних цветов, вдруг распустившихся в зимнюю пору. Этот дурманящий аромат пробуждал странные сладкие раздумья. Но долгая ли жизнь суждена весенним цветам в морозы?..

- При других я не смогу попрощаться с тобой. Лучше уж сейчас... - Будто из глубины колодца прозвучал голос Самура. Чтобы скрыть свои слезы, он спрятал лицо руками.

- Прощай, Зари, прощай Кусары, мой дом родной.

Потом все было как во сне. Во дворе у дяди Ибадуллаха собралось много людей. Снова было пиршество под высоким орешником. Тосты и слезы, последние пожелания на прощанье. Самур, который осунулся и еще больше состарился за ночь, вглядывался в лица друзей, соседей, знакомых. Вид его навевал такую печаль, что многие с трудом сдерживали свои слезы.

Зарият запомнилось только одно - она выронила чашку, из которой плеснула воды вслед Самуру - на удачу в пути. Упавшая чашка разбилась на мелкие осколки. Что же потом? Да, грянул вдруг гром и тут же дождь полил. Как он полил! Землю с небом соединил. В Кусарах давно не было такого ливня.

Зарият слегла. Вернулись к ней старые боли, которые терзали все тело. Ныли кости - ни двинуться, ни встать. Про-

пал аппетит, за день с трудом проглатывала кусочек хлеба. Но разве это боли? Что они в сравнении с теми, что изводили ей душу? Она пала духом. Сердце изнывало от тоски. Но об этом никто не узнает. О таких вещах не говорят. К тому же, когда ты уже далеко не в юном возрасте.

Жить не хотелось. Ей было ни жарко, ни холодно... что светает, вечереет, идет ли дождь, солнце ли встало. Никого не желала видеть. Про Магомеда и не вспоминала. Никогда будто не было ей знакомо даже само его имя. Полное забвение. Теперь она и по детям не скучала, как прежде. За них Зарият не беспокоилась, знала, что все у них в порядке. Утром и вечером, днем и ночью ее думы занимал только один человек. Это был Самур. Она помнила его глаза, каждую черту лица, его голос, каждое слово. Ей было дорого даже самое незначительное воспоминание, которое было связано с ним. Но она знала: нет надежды в запоздалой любви, как в старости нет у нее здоровья. Все ушло безвозвратно. Только одно у нее оставалось - воспоминания. Лежать в постели и смотреть в потолок. Мысленно обращаться к Самуру. Вот и все. Тело слабело с каждым днем. О лечении и не думала: ее сломил неисцелимый недуг - ее не спасти никому на свете, кроме одного человека. А его уже рядом нет. И не будет...

Ненадолго дети ворвались переменой в ее жизнь. Оставались неделю в Кусарах Айбениз с мужем и двумя девочками, Гюльбениз со своей дочерью и Агиль со своей женой Наргиз. Они приехали, как только прознали про то, что Зарият заболела. Непривыкшие к тому, чтобы она болела, были подавлены ее состоянием, суетились вокруг нее. Им ничего иного не оставалось, как уговаривать мать отказаться от своего решения обосноваться в Кусарах, просить, чтобы она переехала в Баку. Состояние матери в ее пожилом возрасте не на шутку встревожило их. А ее куда больше отягощали заботы детей, нежели болезнь. С их настойчивыми уговорами, казалось, вот-вот придет конец ее терпению. Ее утомляли, обессиляли их бесчисленные расспросы. Она и без того была измож-

дена своим неизбывным чувством. А теперь терпенье иссякло вконец. Она решила объясниться с детьми, Айбениз, Гюльбениз и с Агилем:

- Долго вы будете мне докучать здесь? Чего же вы ждете от меня? Может, я была плохой матерью для вас? Или в чем-то провинилась перед вами? Я не знала ни сна, ни покоя, пока не поставила вас на ноги, не устроила в жизни. Всем я пожертвовала ради вас - и молодостью и здоровьем. А вы думали только лишь о себе. Разве приходило вам в голову, что у матери тоже может быть своя боль? Я всегда старалась исполнить все ваши желанья, делала все, что в моих силах. Но мир моих печалей всегда для вас был закрыт. Что поделаешь, я - мать. Матери можно все доверить, обо всем ее попросить - она выслушает, сделает, что может. Понадобится - и жизнью пожертвует. Так чем же вы платите за мою любовь? За терпенье... когда мне так нужна ваша поддержка. Поймите же, наконец, отец ваш всю жизнь меня унижал, оскорблял, считал меня не больше, чем домашней прислугой. Он жил в свое удовольствие, взвалив на мои плечи все заботы. А вы и спросить не могли, счастлива ли ваша мать? Есть ли у нее горе? Мне было больно каждый раз, когда вы спотыкались, я переживала, когда вас продувало даже малейшим сквозняком. Что же вы такие черствые, непонятливые? Ведь я тоже человек, не полено, не камень. У меня тоже сердце есть...

Дети смотрели на нее удивленно, не зная, что и сказать. Зарият не успокаивалась:

- Вижу, вам не по себе. Сплетен боитесь. Опасаетесь, вдруг станут вас расспрашивать. Вы уж извините, я сполна исполнила свой материнский долг. Это вы в долгу передо мной. Но я никогда и ни о чем вас не просила. Ничего не жду и теперь. Да и что мне нужно, старой женщине? Дотяну до смерти как-нибудь на своей пенсии. Только не приставайте ко мне, я ни на что не променяю свою свободу, которой дождалась наконец. Хотя бы теперь для себя поживу, позабуду про растоптанное достоинство. Разве я не имею на это пра-

ва? Если вы любите своего отца, заботьтесь о нем, это ваш долг. А мое решение - твердое, я слову своему не изменю. Больше и не заговаривайте об этом, если не хотите, чтобы в душе у меня осталась обида на вас.

Зарият словно в одно дыхание выпалила свой монолог. Хоть в горле и першило от застрявшего кома, от слез она удержалась. Выговорилась - намного легче стало, будто скинула с плеч тяжелый груз.

Айбениз обвила ее шею руками. Гюльбениз осыпала поцелуями руки матери. Агиль положил голову на колени Зарият и закрыл глаза. Они не находили, что сказать. Слова матери ранили, как тяжелое обвинение. Каждый из них принимал их на свой счет. Они не могли смотреть ей в глаза.

Зарият не ожидала, что так расстроит детей. Ей этого не хотелось, но... так уж вышло. Теперь ей нужно их как-то утешить.

- Будет уже вам, - сказала она, - распустили мне нюни.

Айбениз продолжала всхлипывать.

- Все, успокоились, - добавила Зарият, - вы счастливы, я вас люблю и с меня довольно. Слава Богу, повезло мне хоть в этом.

...Пробыв рядом с матерью неделю, дети также шумно уехали, как и приехали. После их отъезда Зарият впервые после своей болезни обрадовалась тишине, одиночеству и покою. Она собралась с силами и прибрала на кухне и комнатах, расставила все по местам.

За работой она невольно подумала о том, как утомилась от шумного вторжения детей в свою размеренную жизнь. Больше, пожалуй, ей такого не выдержать. Собственно, некого было и ждать. Только для одного единственного человека оставалось место в ее сердце. А он уже никогда не придет. Время, как и вода в реке, утекает и не возвращается вспять. Дни запоздалой любви прошли для Зарият, как неповторимо прекрасные мгновенья. Она не уставала задаваться в душе вопросами: "Где теперь, интересно, Самур? Чем он занят? Вспоминает ли обо мне? Может, он болен? Может..." - Она отгоняла это слово, думая про Самура. Берегла

его для себя: "смерть". Но не всегда во власти человека его мысли. "Может, он умер?" - думалось ей и у нее при этом темнело в глазах...

* * *

Беспрестанными дождями, унылыми днями, длинными промозглыми ночами наступила осень. Ветер налетал вдруг порывами, срывая с деревьев тронутые багрянцем последние листья, мокрые насквозь от обильных дождей. Опавшей листвою устилало дворы, тротуары и улицы. Серое небо с пронзительными криками прочерчивали караваны журавлей.

В этот осенний вечер Зарият никак не могла справиться с собой. Всю сущность занимали печальные воспоминания: то яркие, то смутные. Ее душила неизбывная тоска.

Вдруг что-то ей припомнилось, она взяла ключи с вешалки на веранде и прошла в соседний двор. Отворила дверь и вошла в дом дяди Ибадуллаха. После того, как уехал Самур, она впервые переступала здесь порог. Ее охватило странное волнение. Пройдя за стол в гостиной, она села и словно впадала в забытье. А потом вдруг заплакала, как дитя, вспомнив про последний ужин в этой комнате вдвоем с Самуром. Со слезами на глазах завела патефон, который стоял на тумбочке все в том же углу, как в прощальную ночь. Поставила пластинку, один лишь Бог знает, сколько раз прослушанную Самуром. Будто с того света, глухо зазвучал голос Дурии Рагимовой:

*Анжах тек са вун клан хьана уьмуурда,
Амма ваз зун клан хьанатла, чидач заз...
(Я на свете любил только лишь тебя,
А ты любил ли меня, я не знаю)*

Эту песню Асеф Мехман будто для Зарият и сочинил. И мелодия, и слова были созвучны ее чувствам. Голос Дурии словно заколдовал ее. Этот голос убивал ее и вновь оживлял, он смеялся и плакал. Поддавшись его обаянию, Зарият,

казалось, отрешалась от своей безбрежной печали, но он вновь возвращал ее к раздумьям о безысходной любви.

Сколько же раз она заводила песню? Голос Дурии уносил далеко-далеко на волнах мелодии чувства Зарият. Ей казалось бесконечной эта холодная осенняя ночь, которую пронизала тоска одиночества. Эти всплески волнения и боль тревог никогда не отпустят сердце. Эти чувства, поднявшиеся половодьем, никогда больше не войдут в спокойное русло. Пока не истечет эта тоскливая осенняя ночь, она не придет в себя, не обретет покоя.

Никогда и никого она так не мечтала увидеть, как Самура теперь. Она бы и жизнь отдала, чтобы еще раз увидеть его перед собой. Поговорить с ним в последний раз. "Размечталась", - горько усмехалась она в душе и тут же сама себя утешала: "Какое же это все-таки счастье, что Бог не запретил человеку мечтать".

Вдруг предстало перед нею ласковое, доброе лицо матери. Когда Зарият была маленькой, она часто говорила: "Человек добьется всего, о чем мечтает. Только нужно сильно этого захотеть". Зарият усмехнулась горько: "Так что же не сбудется моя мечта? Я ведь в жизни ничего не хотела сильнее". Она опустила лицо на руки, сидя за столом. Сон сморил усталую голову. Все трансформировалось в ней в причудливые образы.

Во дворе былолюдно. Знакомые и незнакомые лица. О чем-то все переговаривались. В стороне стояла красивая лошадь. Зарият не отрывала от нее глаз. Вдруг она увидела, что лошадь жеребится и чуть не закричала от страха. В тот же миг увидела возле лошади белоснежного жеребенка. Зарият залюбовалась им - у него была очень красивая, удивительно нежная грива. Но никто, кроме нее, этого не замечал. Каждый был занят своим делом. Она бережно взяла жеребенка на руки и перенесла в другой конец двора. Опустила на землю и ласково стала гладить по холке.

Очнулась она с легким чувством: "Дай, пророк Юсуф, чтобы было к добру. Прекрасный приснился мне сон. Видно,

услышу добрую весть. Может, приедет Самур? Пути господни неисповедимы. Глядишь, вдруг входит, улыбаясь: здравствуй, Зари".

Хлопнула дверь, и Зарият, вздрогнув от неожиданности, вскочила на ноги. Она широко раскрытыми глазами вглядывалась в человека, который вошел. Это был он. Зарият зажмурилась и снова открыла глаза. Хотела убедиться, что это не видение. Но нет, это было явью. Самур стоял перед ней, заглядывая в ее распухшие от слез глаза радостным и печальным взглядом:

- Здравствуй, Зари.

- Ты ли это, Самур?

- Я вернулся. Твой сосед навсегда вернулся. Ты не сердись на меня?

- Сержусь? Разве не видишь - я плачу от счастья...

Звучал голос Дурии:

Аквада заз вун ахварай аквада...

(Снишься мне ты снова и снова...)

С аккордами песни рассеивалась тьма холодной осенней ночи. В небе за окном проглядывали звезды в просвете меж облаков. Ветер стихал. Все предвещало, что наступающий день будет погожим.

1999 г.